



Посвящается Касе и Кевину

I

РОДИТЕЛЬСКОЕ ПОСОБИЕ /

1912 год

1

Восемнадцатилетний Эдвин Сент-Джон Сент-Эндрю на борту парохода, бороздящего Атлантику, везет груз своей фамилии, отягченной сразу двумя святынями, щурится от ветра на верхней палубе, сжимает поручни руками в перчатках, стгорая от нетерпения, в предвкушении неизвестного, силится разглядеть хоть что-нибудь в море и на небесах, но видит лишь оттенки свинцово-серой бескрайности. Он направляется в новый мир. Сейчас он более или менее на полпути между Англией и Канадой. «Меня отправили в ссылку», — говорит он про себя, зная, что, несмотря на некую высокопарность, в его словах есть доля истины.

Среди предков Эдвина фигурирует Вильгельм Завоеватель. Когда умрет дед Эдвина, его отец станет графом. Эдвин учился в двух лучших школах страны, но в Англии у него нет большого будущего. Найдется очень мало профессий, приличествующих джентльмену, и ни одна из них Эдвина не прельщает. Состояние семьи предназначалось старшему брату Гил-

берту, так что Эдвин ничего не унаследует. (Средний брат Найл уже в Австралии.) Эдвин мог бы продлить свое пребывание в Англии, но его тайные радикальные взгляды, которые стали явными весьма некстати за званым ужином, ускорили его судьбу.

В порыве безудержного оптимизма в графе «род занятий» в судовом манифесте Эдвин написал «фермер». Впоследствии, поразмыслив на палубе, он осознал, что в жизни не держал в руках лопату.

2

В Галифаксе неподалеку от порта он находит пансион, в котором занимает угловую комнату на втором этаже с видом на гавань. В первое утро он просыпается и из окна его взору открывается оживленная картина. Прибыло большое торговое судно, и он находится так близко, что слышит развеселую ругань людей, разгружающих бочки, мешки и ящики. Большую часть дня он проводит, глядя в окно, наподобие кота. Он собирался отправляться на запад немедля, но так легко тянуть время в Галифаксе, где он поддался своей слабости, о которой знал всю жизнь: Эдвин способен на действие, но подвержен инерции. Ему нравится сидеть у окна, в котором непрерывно движутся люди и корабли. Ему не хочется уезжать, поэтому он остается.

— Просто пытаюсь решить, что делать дальше, — говорит он хозяйке заведения, которая дели-

катно наводит справки. Ее зовут миссис Доннелли. Она родом из Ньюфаундленда. Эдвин озадачен ее акцентом. У нее такой говор, словно она из Бристоля и Ирландии одновременно, но иногда ему слышится и шотландское наречие. Комнаты содержатся в чистоте, и она прекрасно готовит.

Под его окном проходят толпы матросов. Они поглядывают вверх лишь изредка. Ему нравится наблюдать за ними, но он не решается выйти им навстречу. К тому же у них своя компания. Когда они навеселе, то похлопывают друг друга по плечу, вызывая у него жгучую зависть.

(Может, пойти в моряки? Нет, конечно. Он отбрасывает эту мысль, едва она возникает. Однажды он слышал о человеке, жившем на родительское пособие, который нашел себя на морском поприще, но Эдвин сибарит до мозга костей.)

Он обожает смотреть, как пароходы с остатками европейского лоска на палубах заходят в гавань.

По утрам и после полудня он прогуливается по тихим жилым кварталам до гавани, заглядывая в магазинчики под полосатыми навесами на Баррингтон-стрит. Он любит кататься на электрическом трамвае до конечной остановки, затем возвращается, наблюдая, как домики сменяются домами покрупнее, а ближе к центру — торговыми заведениями. Ему нравится покупать вещицы, в которых он не особо нуждается: каравай хлеба, пару открыток, букет цветов. Эдвин ловит себя на

мысли, что был бы не прочь вести такой незатейливый образ жизни. Ни семьи, ни работы, лишь несколько простых радостей, ночью свежее постельное белье и регулярное вспомоществование из дому. Жизнь в уединении обещала много приятного.

Раз в несколько дней он покупает цветы и ставит на комод в дешевенькую вазу. И долго любуется ими. Ему захотелось стать художником, чтобы запечатлеть их и тем самым увидеть еще отчетливее.

Может, поучиться рисованию? У него есть и время, и деньги. Совсем недурная задумка. Он расспрашивает миссис Доннелли, а та разузнает у своего приятеля, и вскоре Эдвин оказывается в гостинной у некоей дамы, которая обучалась живописи. Он проводит в молчании часы, делая наброски цветов и ваз, изучая основы полутонов и пропорций. Женщину зовут Летиция Рассел. Она носит обручальное кольцо, но местопребывание ее мужа неизвестно. Она живет в опрятном деревянном доме в компании троих детей и вдовой сестры — ненавязчивой дуэньи, которая вяжет бесконечные шарфы в углу, так что у Эдвина рисование на всю жизнь будет ассоциироваться с позвякиванием вязальных спиц.

На шестой месяц проживания в пансионе прибывает Реджинальд. Сразу видно, что он не подвержен инерции. Реджинальд намерен незамедлительно уехать на запад. Он на два года старше Эдвина, однокашник из Итона, третий сын ви-

конта; у него прекрасные глубокие серо-голубые глаза. Подобно Эдвину, в его планы входит обосноваться здесь в качестве фермера-джентльмена, но в отличие от Эдвина, он предпринимает шаги к достижению своей цели и состоит в переписке с человеком, который намерен продать ферму в Саскачеване.

— Шесть месяцев, — твердит Реджинальд за завтраком, недоумевая. Он на миг перестает намазывать джем на тост, желая убедиться, что правильно все расслышал. — Шесть месяцев? Ты шесть месяцев здесь?

— Да, — непринужденно отвечает Эдвин. — Я бы сказал, шесть очень приятных месяцев.

Он пытается перехватить взгляд миссис Доннелли, но та нарочито сосредоточена на разливании чая. Эдвин чувствует, что она считает его малость тронутым.

— Любопытно. — Реджинальд намазывает джем на тост. — Я не питаю надежд, что нас отзовут домой, не правда ли? Чтобы мы зацепились за край Атлантики, поближе к королю и Родине?

Это немного уязвило его, поэтому, когда на следующей неделе Реджинальд отправляется на запад, Эдвин принимает приглашение Реджинальда составить ему компанию. В поезде, увозящем его из города, он решает, что предпринимать действия — приятно. Они едут первым классом на восхитительном поезде, оснащенном парикмахерской и почтовым отделением, откуда Эдвин пишет от-

крытку Гилберту и наслаждается горячим бритьем и стрижкой, созерцая леса, озера и городки, проплывающие мимо. Когда поезд останавливается в Оттаве, он не сходит, а остается в купе, делая зарисовки станции.

Леса, озера и городки преобразуются в равнины. Прерии поначалу вызвали интерес, потом наскучили, затем стали раздражать.

Прерии в избытке. Вот в чем загвоздка. Нарушены пропорции. Поезд ползет, словно сороконожка по бескрайней траве. Ему видно все от горизонта до горизонта. Он чувствует себя чересчур уязвимым.

— Вот она — жизнь, — говорит Реджинальд в дверях своего нового фермерского дома, когда они, наконец, прибыли на место. Ферма расположена в нескольких милях от города Принс Альберт и представляет собою море грязи. Реджинальд приобрел ее, не удосужившись взглянуть, что покупает, у некоего отчаявшегося англичанина, — очередного получателя родительских пособий, как подозревает Эдвин, — потерпевшего сокрушительный провал на этой ниве и теперь возвращающегося на восток, чтобы занять конторскую должность в Оттаве. Реджинальд очень старается не задумываться об этом человеке — Эдвин это видит.

Могут ли неудачи преследовать дом? Как только Эдвин переступает порог фермы, он сразу чувствует себя не в своей тарелке, а потому предпочитает держаться на веранде. Дом доброт-

ный — прежний владелец был хорошо обеспечен, — но в нем витает непостижимый для Эдвина дух неблагополучия.

— Как тут... много неба, не находишь? — отворачивается спросить Эдвин. И уйма грязи. Неимоверное количество грязи. Она посверкивает под солнцем, насколько хватает взора.

— Просто необъятные пустоши и свежий воздух, — говорит Реджинальд, вглядываясь в ужасающе бесформенный горизонт. Эдвин видит вдалеке еще одну ферму, очертания которой скрадывает расстояние. Небо до рези в глазах синее. В тот вечер у них на ужин яичница-болтуня — единственное, что умеет стряпать Реджинальд — и солонина. Реджинальд, кажется, удручен.

— Полагаю, земледелие весьма утомительное занятие? — говорит он и добавляет: — Физически изнурительное.

— Пожалуй. — Когда Эдвин пытался представить себя в новом свете, то всегда видел себя на собственной ферме — изумрудные уголья, гм, сельхозкультуры неопределенного происхождения, ухоженные, но необъятные. Но, по правде говоря, он никогда особо не задумывался, что из себя представляет труд фермера. Он полагает, что это уход за лошадьми. Немного садоводства. Вспашка полей. А что потом? Что нужно делать с этими полями, когда ты их вспахал? Для чего нужно их вспахивать?

Ему кажется, он балансирует на краю пропасти.